

Лэ Юй провёл рукой вниз и сказал:

— Он не вернётся.

Сяо Шанли, которого он трогал, стал мягким, хвост слегка дрожал, и его отстранили, издав стон. Два пушистых шарика между ног были захвачены грубыми пальцами, которые начали их ласкать.

Кот в панике снова дёрнулся, и на этот раз так сильно, что на руке Лэ Юй остались три красные царапины. Увидев кровь, кот замер, послушно убрал когти и отвернулся, смирившись с тем, что его шарики ласкают. Он извивался под его рукой, испытывая тысячи чувств стыда, но не мог устоять перед тем, как его тело реагировало, спина выгибалась, а скрытый розовый член дрожал и высовывался.

Глаза кота наполнились слезами, он был в крайнем смущении, ноги раздвинулись, а лапы были прижаты, розовые подушечки смотрели вверх, и язычок высовывался, облизывая маленькие белые зубы.

Вскоре его тело стало мягким, и он выпустил несколько капель семени. Он никогда не знал, что кошачья течка может быть такой мучительной, и Лэ Юй с нежностью поцеловал кончики его ушей.

На третий день молодой господин встретил приёмную дочь своего отца, дочь старого друга по фамилии Линь, Линь Чуньцао. Она была ещё молода, с мягкими чертами лица, нежными, как молодая ива. Клан Лэ с острова Пэнлай, и отец, и сын, с детства любили красавиц и всю жизнь ценили их, и для неё они готовы были достать звёзды с неба. Но больше всего она любила быть рядом с Его Величеством Сяо, считая его, хоть и мужчиной, но обладающим небесной красотой и благородством, к чему она стремилась.

Молодой господин, увидев сестру, хотя сам был ещё ребёнком, почувствовал нежность и спросил:

— Сестра Чуньцао, куда ты так спешишь?

Линь Чуньцао мягко ответила:

— Пойти к Сяо...

Внезапно осознав свою ошибку, она прикрыла рот.

За несколько дней все на острове, наблюдая за поведением господина, начали строить смелые предположения. Они уже видели слишком много странных и сверхъестественных вещей, поэтому не боялись думать и гадать, но только молодой господин Лэ Жу, чьё происхождение было самым загадочным, отказывался верить в существование сверхъестественного.

Лэ Жу, сомневаясь, последовал за ней. И действительно, он увидел, как она, сопровождаемая служанкой, вошла в Зал Цзинни.

Молодой господин, полный удивления, залез на дерево и перелез через стену, чтобы посмотреть. В саду под вишнёвым деревом стояла зелёная бамбуковая кушетка, на которой сидела Линь Чуньцао в жёлтом платье, держа в руках книгу и читая стихи, словно жемчужины, заставляя слушателей забыть о мирском.

Он был ещё более озадачен, обхватил дерево и вытянул шею, чтобы посмотреть, кто же сидит на кушетке, если раньше он видел, как сестра читает приёмному отцу, а теперь она читает кому? Думая, что кушетка пуста, он с трудом переместился и увидел — длинношёрстный белый кот лежал на ней, укрытый полупрозрачным покрывалом с вышитыми бабочками, хвост выглядывал из-под одеяла.

Вишнёвое дерево уже было усыпано плодами, вишни — первые весенние фрукты, жёлтые, как сливочное масло, и красные, как рубин. Одна вишня упала на бамбуковую кушетку, и кот лениво толкал её лапой, играя.

Красавица читала книгу, а кот лежал рядом! Молодой господин был шокирован, возмущён, считая, что это оскорбление красоты, и, хлопнув по дереву, с криками упал на землю, больно ударившись, и, не позволяя служанкам кричать, ушёл, подпрыгивая на одной ноге.

Линь Чуньцао с удивлением услышала шум снаружи и с беспокойством спросила:

— Не знаю, как мой брат упал, это серьёзно или нет...

Кот, испуганный, встал, но, услышав смех снаружи, слегка подёргал хвостом и снова улёгся, только слегка помахивая хвостом, касаясь её запястья.

На седьмой день Лэ Жу утром сразу же отправился к Линь Сюаню, чувствуя себя так, будто умирает:

— На острове все говорят об этом коте, я больше не могу!

Гу Синьчи слегка кашлянул, и Линь Сюань попытался утешить его:

— Просто потерпи ещё несколько дней, как только твой приёмный отец вернётся, этот «кот» исчезнет.

Молодой господин, казалось, что-то понял, задумался, а затем с энтузиазмом сказал:

— Вот оно что!

Гу Синьчи и Линь Сюань облегчённо вздохнули, но услышали, как молодой господин радостно сказал:

— Вот почему я раньше не знал об этом коте, оказывается, это кот, которого отец тайно завёл без ведома приёмного отца, и как только он вернётся, его обязательно отправят!

Гу Синьчи и Линь Сюань снова посмотрели друг на друга, но только покачали головой и засмеялись, не говоря ни слова.

На десятый день, когда Сяо Шанли наконец вернулся, Лэ Жу был вне себя от радости, вбежал в Зал Цзинни и бросился в объятия Сяо Шанли.

Лэ Юй, скрестив руки, наблюдал за этой сценой с удовольствием, а Сяо Шанли, позволив ему обнять себя, вспомнил, как он упал с дерева, и, чувствуя жалость, больше не мог держать дистанцию, погладил сына по голове. Он был одним из самых красивых людей в мире, и сын, похожий на него на семь частей, был таким же прекрасным, как изваянный из яшмы.

Маленький красавец плакал от счастья, жалуясь:

— Приёмный отец, ты наконец вернулся, когда тебя не было, тут был кот, если бы я не верил в духов, я бы подумал, что это дух, который меня замучил...

Сяо Шанли, его лицо менялось, становилось всё хуже, а их сын продолжал плакать, рассказывая, как кот вёл себя, как хозяин, и был совершенно бесцеремонным.

Ночью, когда служанки ушли, Сяо Шанли, после купания, с распущенными волосами, в ночной рубашке, босиком, вошёл в комнату и, наклонившись, задул свечу.

Лэ Юй, лежа на кровати, любовался красавцем, но увидел, как тот опустил полог, взобрался на кровать, встал на четвереньки и прижался к Лэ Юй, ища носом маленький след укуса на его плече, и начал лизать и кусать.

Его талию обхватил Лэ Юй, прижимая к своему телу, и он почувствовал, что Лэ Юй уже возбуждён и ждёт его.

Сяо Шанли, с лёгким румянцем на лице, с влажными глазами, лишь слегка касаясь языком, сказал:

— ...Ты всегда хочешь, чтобы я мяукал.

Он мягко наклонился, сдержанно прикоснулся губами к губам Лэ Юй, обнял его за плечи и шею и, прижавшись к уху, прошептал:

— Мяу.

КОНЕЦ

Его посадили в объятия Лэ Юй, сняли шпильки, и волосы рассыпались. Развязали пояс, одежда соскользнула, слой за слоем шёлка обнажая тело. Он был благородного происхождения, недостижимо высок, но здесь, во дворце Чу, в этой каюте, другой мужчина раздел его догола, позволяя себя трогать и ласкать. Сяо Шанли закрыл глаза, длинные ресницы дрожали, но в душе думал: «Если так можно добиться подчинения острова Пэнлай, чтобы он больше не был моим врагом... Даже если это унижительно, я согласен».

Лэ Юй обнял его сзади и сказал:

— Не бойся, я не возьму тебя здесь.

Затем он снял повязку с его лба, закрыв глаза, чтобы ему не было ещё стыднее. «Смотреть на красавца при свете лампы» — Лэ Юй давно хотел этого. Он уложил его. В каюте повсюду были собольи шкуры, а сверху он подстелил свою верхнюю одежду под обнажённое тело. На чёрной ткани кожа казалась ещё белее, словно светящейся.

Вся его кожа была нежной, как бараний жир, скользкой на ощупь. Лэ Юй при свете свечи рассматривал каждый изгиб, каждую черту, доведённую до совершенства. От поднятых, держащих свечу, рук до покрасневших сосков на груди. Когда пламя приблизилось, Сяо Шанли не смел пошевелиться, грудь горела, и, осознав это, он почувствовал ещё больше стыда и ненависти, так что даже две маленькие выпуклости затвердели.

Красавец стиснул алые губы, но страсть нахлынула, и член между ног поднялся. Он тихо застонал в носу, Лэ Юй привлёк его к себе, запустил руку между ног и сжал тот орган, начиная тереть. Сяо Шанли тоже не мог сдержаться, прижавшись щекой к груди Лэ Юй. В тени было видно, как этот красавец сидит у него на коленях, постепенно протягивая руку, чтобы погладить свои бёдра. В каюте свет лампы колебался, стоны стихли лишь спустя долгое время.

Сяо Шанли лишь поиграли с его членом, не трогая другие места. Шёлковая повязка на глазах промокла от слёз, и он излился на ладонь Лэ Юй. На лбу выступила тонкая испарина, красные следы, подобные цветам, покрытым росой, стали ещё ярче. Лэ Юй сказал:

— Если бы ты не родился в императорской семье или отказался от трона, будь ты мужчиной или женщиной, я бы непременно женился на тебе. В мире миллионы красавцев, но в этой жизни я больше не взгляну ни на кого другого.

Говоря это, он размазал семя по его губам. Губы увлажнились, приобретя ещё более соблазнительный, влажный вид. Сяо Шанли всё ещё был в смятении, не понимая, что происходит, когда сзади между его ног упёрся горячий, толстый и длинный предмет Лэ Юй. Он хотел потрогать его, но Лэ Юй остановил его и со вздохом сказал:

— Не двигайся, позволь мне просто обнять.

Когда твёрдый предмет снова стал мягким, он развязал шёлковую повязку.

Сяо Шанли внезапно увидел свет, но, казалось, уже понял, что ни один из них не отступит первым. Лэ Юй повернул его подбородок, увидев, что румянец на щеках ещё не спал, ресницы промокли, губы приоткрылись в прерывистом дыхании, словно приглашая к поцелую. Он надавил на его подбородок и глубоко поцеловал.

Слеза скатилась с ресниц. Сяо Шанли сказал:

— Я поднесу тебе вино, а ты поделишь со мной чашу, хорошо?

Он распустил чёрные волосы, лишь накинул верхнюю одежду Лэ Юй, обнажив белоснежные бёдра, и взял винный кувшин. Такой красавец, смирившийся с позором и позволивший себя взять, а теперь унижающийся, служа своей красотой. Лэ Юй сказал:

— Красота — это убийственный меч, ты уже забрал мою жизнь.

Смысл его слов был в том, что если Сяо Шанли захочет его жизни, он готов покорно принять смерть.

<http://bllate.org/book/15272/1348109>